

Н.В. Лесонен

Новосибирский государственный педагогический университет

Функционирование высказываний с семантикой вынужденного действия в речи

Аннотация: Статья посвящена выявлению функций, которые способны выполнять высказывания с семантикой вынужденного действия в речи. Установлено, что названные высказывания способны выполнять ряд функций, в том числе: функцию усложнения смысла, функцию актуализации коммуникативных намерений говорящего и функцию экспликации языковой личности.

Ключевые слова: семантика вынужденности, высказывание, каузативный глагол, модальный глагол, коммуникативная интенция, коммуникативный акт.

Языкознание последних лет уделяет большое внимание функционированию языковых единиц, поскольку «подлинное знание неотделимо от проверки практикой» [Гак, 1998, с. 179]. Целью данной статьи является выявление функций, которые способны выполнять высказывания с семантикой вынужденного действия в речи. Описание исследуемой семантики с точки зрения содержания и способов и средств ее выражения являлось предметом рассмотрения в различных работах [Беляева, 1985; Цейтлин, 1990 и др.]. Однако содержательного и формального описания для комплексного, полного представления семантики вынужденности явно недостаточно. Поэтому необходимо обратиться к анализу функционирования высказываний с анализируемой семантикой в речи.

Охарактеризуем прежде саму семантику. В высказываниях с семантикой вынужденности сообщается о таком положении дел, при котором субъект сознательно совершает действие против собственной воли, причем к совершению действия его вынуждает либо субъект-каузатор (для которого действие субъекта вынужденности является желаемым), либо некие обстоятельства, а отказ от совершения вынужденного действия приведет к нежелаемым для субъекта вынужденного действия последствиям. Приведем пример: *Сейчас трудно представить всю безвыходность нашего положения в чужом городе, без знакомых, без имущества, одиноких, **принуждённых** продать на базаре ботинки, для того чтобы не умереть с голоду* (В. Катаев).

В высказывании реализуется семантика вынужденного действия: субъект целенаправленно выбирает один из возможных вариантов, на что указывает целевое придаточное (*для того чтобы не умереть с голоду*).

Семантика вынужденного действия имеет разноуровневые средства выражения: лексические – наречия с семантикой вынужденности (*против воли, вопреки желанию, вынужденно*), каузативные глаголы (*заставить, вынудить, принудить, вымогать, вырывать, приневолить* и др.); лексико-грамматические – вторичные модальные глаголы (*приходиться/прйтись, оставаться/остаться*), определенные конструкции фразеологизированного типа (*Делать нечего, придется, Делать нечего, надо/надобно/нужно, Ничего не остается, как, Не остается ничего другого, как, Ничего не поделаешь, надо*), а также сложносочиненные предложения фразеологизированного типа (*Не хочется, а надо, Хочешь не хочешь, а надо, Хо-*

чешь не хочешь, а придется). Исследуемая семантика способна также выражаться средствами, актуализируемыми контекстом.

Высказывания с семантикой вынужденности характеризуются полифункциональностью: они, как показывают наши наблюдения, способны выполнять функцию усложнения смысла, функцию реализации коммуникативных интенций говорящего, функцию экспликации языковой личности. Рассмотрим их.

Функция усложнения семантики является основной для высказываний с семантикой вынужденности в повествовательных текстах. По мнению А.А. Масленниковой, неинтенциональные скрытые смыслы (т.е. те, которые порождаются в процессе восприятия сообщения адресатом), к которым отнесем и исследуемую нами семантику, не развивают, а усложняют грамматическую структуру высказывания [Масленникова, 1999]. Эта функция является для скрытых смыслов основной. Действительно, в высказываниях *Он вынудил меня уйти, Мне пришлось уйти, Я ушел против воли* говорящий ставит своей целью сообщение пропозициональной информации (я ушел), а показатели вынужденности передают характер произошедшего события. Высказывания *Он вынудил меня уйти, Мне пришлось уйти, Я ушел против воли* можно представить следующим образом: **я не хотел уходить, но обстоятельства сложились таким образом, что я ушел, потому что другого целесообразного выхода из сложившейся ситуации у меня не было**. К пропозициональной информации добавляется негативная оценка действия, а также его каузированность, зависимость от обстоятельств или чужой воли. Таким образом, введение показателей вынужденности выполняет функцию усложнения семантики.

Приведем пример: *Ехать в армию, где он был на первой вакансии полкового командира, нельзя было потому, что мать теперь держалась за сына, как за последнюю приманку жизни; и потому, несмотря на нежелание оставаться в Москве в кругу людей, знавших его прежде, несмотря на свое отвращение к статской службе, он взял в Москве место по статской части и, сняв любимый им мундир, поселился с матерью* (Л. Толстой).

В данном контексте действие субъекта (Николая Ростова) является вынужденным. Эта семантика создается за счет употребления маркера вынужденности (*несмотря на нежелание*) и подчеркивается введением в повествование оборота *несмотря на свое отвращение к статской службе*. Кроме того, указывается причина нежеланного поступка: *мать теперь держалась за сына, как за последнюю приманку жизни*.

Итак, высказывания с семантикой вынужденности, относясь к скрытым интерпретируемым смыслам, способны выполнять функцию усложнения семантики.

Другой функцией, также типичной для высказываний с исследуемой семантикой, является **функция реализации коммуникативных интенций говорящего**. Так, можно выделить несколько интенций, ориентированных на успешную коммуникацию.

Основной интенцией является **интенция самооправдания**, находящая свое воплощение в речевом жанре оправдания [Лаврентьева, 2006]. Оправдывающийся использует показатели вынужденности, эксплицирующие негативное отношение к совершенному действию, нежелание его совершать, а также обусловленность поступка обстоятельствами. Тем самым говорящий смягчает свою вину и перекладывает часть вины за совершенное против воли действие на обстоятельства или каузатора:

– Федор Иванович, – обвиняющим тоном спросил председатель, – а чего же ты пришел такой злой?

– А того злой, – ответил участковый, – что мне сегодня все время приходится с худшими людьми в деревне разговаривать. Вот сейчас у этих лодырей

был да еще попозже к некоторым другим пойду... А в контору я зашел того, что мне Гришка Сторожевой нужен (В. Липатов).

Субъект оправдания в прозвучавшем вопросе распознает обвинительную интенцию, и поэтому признает себя виновником ситуации, которая вызвала недовольство участников события, предпринимая попытку объяснить причину нежелательного состояния.

Речевая интенция самооправдания оказывается тесно связанной с попыткой **снятия с себя ответственности**, например: *Я не желаю и не желал войны, – сказал он [Наполеон]. – Но меня к ней вынудили* (Л. Толстой). Как видно из контекста, говорящий (Наполеон) оправдывается в совершении неблагоприятного поступка, перекладывает с себя ответственность на неопределенного каузатора, который обусловил совершение действия.

Другая группа интенций связана с соблюдением кодекса речевого поведения, представляющего собой систему принципов, которые регулируют речевое поведение коммуникантов во время коммуникативного акта.

Одно из правил, составляющих русский кодекс речевого поведения, предписывает избегать высказываний тривиального содержания или же сопровождать их метапоказателем *как известно* [Шмелева, 1983]. Оно входит в противоречие с требованием начинать речь с известного собеседнику [Арутюнова, 1976]. Поэтому говорящий при сообщении всем известных фактов вводит в свою речь модусный показатель вынужденности, оценивающий собственное речевое поведение и снимающий ответственность за сказанное, например: ***Приходится повторять банальное утверждение: президент не частное лицо и представляет не себя одного, не только собственные вкусы и пристрастия. И каждое его появление на людях, каждое сказанное им слово, каждое движение много говорят не только о нем лично, но и о нас с вами, о политическом и культурном уровне новой России*** (В. Костиков).

Назовем эту интенцию **стремлением избежать тривиальности**.

Согласно другому правилу упомянутого кодекса «говорящий должен не сообщать сведений, а тем более суждений и оценок, неприятных для слушателя», т.е. быть некатегоричным [Шмелева, 1983, с. 74]. Это правило является как бы противоположным требованию быть искренним и правдивым, причем требование искренности и правдивости оказывается сильнее правила некатегоричности. Стремясь соблюсти оба эти требования, говорящий для снижения категоричности, резкости искренних, с точки зрения говорящего, оценок вводит показатель вынужденности сообщения фактов:

– Поймите, я ведь хочу все уладить как можно быстрее, с наименьшими, так сказать, потерями. – Голос главного плыл и плыл куда-то, притупляя внимание, увлекая за собой в трясину ничемных и лживых уверений. – Согласитесь, это уже третья жалоба. Мне неприятно вам это говорить, но я обязан. Я не могу это игнорировать, я должен, как это ни печально, реагировать (В. Валеева).

В приведенном примере адресант не хочет выглядеть очень резким, категоричным, но претендует на объективность, честность. Опасаясь нарушить кодекс речевого поведения, говорящий вводит показатель вынужденности речевого действия, тем самым извиняясь за категоричность. Эту интенцию назовем **интенцией снятия категоричности** высказывания.

Итак, высказывания с семантикой вынужденности служат в процессе речевой деятельности средством выражения следующих коммуникативных интенций говорящего: самооправдание, снятие с себя ответственности, стремление быть не тривиальным, снятие категоричности.

Кроме случая усложнения семантики и выражения коммуникативных интенций говорящего, высказывания с семантикой вынужденности способны также вы-

полнять *функцию экспликации языковой личности*. Проиллюстрируем это на примере романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. В качестве модели языковой личности рассмотрим Печорина как создателя дневника. Печорин пишет дневник для себя, проявляя свои языковые пристрастия и не подвергая их редактированию: *«этот журнал пишу я для себя»*. Именно в дневнике, по мысли В.М. Марковича, «сфера изображения охватывает те элементы действительности, которые имеют определенное значение для лирического героя и непосредственно связаны с его размышлениями или переживаниями» [Маркович, 1981, с. 295].

Предметом рефлексии Печорина являются причины совершения поступков, их вынужденность или добровольность, что свидетельствует о значимости этой семантики в мировосприятии героя. Обратимся к использованию показателей вынужденности в повести «Княжна Мери».

В зависимости от разворачивания сюжета высказываний с семантикой вынужденного действия в речи Печорина становится все больше, причем герой использует широкий спектр средств выражения вынужденности. Печорин придерживается активной позиции, совершая поступки по доброй воле, на что указывает его замечание: *«Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета... Но что за нужда?.. Ведь этот журнал пишу я для себя, и следственно, все, что я в него ни брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием»*. Однако иногда Печорин задумывается над тем, что движет его поступками: *«Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка! он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего...»* Герой приходит к выводу, что руководит его поступками судьба: *«С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель на это имела судьба?..»*

Если поступками Печорина руководит судьба, то поступками других, в частности, мужских персонажей романа руководит, чувствуя свое превосходство, Печорин, нередко вынуждая их к совершению нужных ему действий. Показательными в этом отношении являются отношения Печорина и Грушницкого: Печорин управляет поведением Грушницкого, провоцируя его на совершение действий, желательных для Печорина. К тому же сам Грушницкий признает превосходство Печорина над собой: *«Пожалуйста, не подшучивай над моей любовью, если хочешь быть моим приятелем... У меня есть к тебе просьба. <...> ...ты опытен в этих вещах, ты лучше меня знаешь женщин»*. Однако показатели вынужденности действий появляются в речи Печорина для описания отношений с Грушницким после назначения дуэли: *«Я поставил его в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить свою месть, не отягощая слишком своей совестью; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности»*.

Таким образом, мы видим, что Печорин придерживается активной позиции в совершении своих поступков, не позволяя другим людям каузировать его поведение. Его поступками руководит судьба, осмысляемая героем как режиссер [Арутюнова, 1999]. И по мере развития сюжета Печорин меняет свою позицию с субъекта вынуждающего на субъекта вынуждаемого. После дуэли с Грушницким Печорин остается один, и в его речи появляются показатели вынужденности, относимые к нему самому: *«если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих»*. Каузатором вынужденного действия выступают обстоятельства: он был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст из-за смерти лошади.

«Разговор с вашей матушкой **принудил** меня объясняться с вами так откровенно и так грубо», – говорит Печорин княжне. В финале повести Печорин отправляется в «скучную» крепость N, «получив приказание от высшего начальства».

Итак, использование языковых средств выражения семантики вынужденного действия характеризует языковую личность Печорина. На примере повести «Княжна Мери» мы наблюдаем избирательное употребление показателей вынужденности по мере развития сюжета: поступками героя руководит судьба, а Печорин, будучи субъектом-каузатором, руководит поступками других персонажей, не позволяя другим персонажам принуждать его к совершению поступков. В финале повести герой становится субъектом вынужденного действия, к совершению вынужденного действия его побуждают обстоятельства и воля других лиц. Таким образом, использование средств с семантикой вынужденности способствует реализации **функции экспликации языковой личности**.

Как показал анализ материала, высказывания с семантикой вынужденного действия способны выполнять ряд функций, в том числе следующие: функцию усложнения смысла, функцию актуализации коммуникативных намерений говорящего и функцию экспликации языковой личности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
- Лаврентьева Е.В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Маркович В.М. О лирико-символическом начале в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия АН СССР. 1981. Т.40. № 4.
- Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб., 1999.
- Цейтлин С.Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1.